

Экспертное заключение

на диссертационное исследование протоиерея Александра Филипповича Паничкина

«Санкт-Петербургская епархия:

проблемы становления в контексте истории России XVIII века»,

представленное на соискание учёной степени доктора церковной истории.

Тема, избранная протоиереем Александром Филипповичем Паничкиным, безусловно, должна быть признана актуальной и важной для всех, кто профессионально занимается изучением Синодальной эпохи Православной Российской Церкви. К сожалению, эта эпоха до сих пор исследована неравномерно. Обращаясь непосредственно к XVIII веку, следует сказать, что мало внимания обращалось на анализ собственно внутрицерковной жизни; недостаточно проработана история обер-прокуратуры (и обер-прокуроров); неудовлетворительно проанализированы проблемы организационного укрепления духовного сословия (как сословия) и многое другое. Среди тем, которые следует особо внимательно изучать, необходимо отметить и историю Санкт-Петербургской епархии в первые десятилетия самостоятельного её существования. Протоиерей А. Паничкин, специально обратившийся в этой теме, на мой взгляд, сумел достаточно основательно её проработать, показав, что открытие и дальнейшее развитие столичной епархии доказывает проблематичность обновления старого «московского» церковно-политического состояния Российского государства. Не вызывает нареканий и выбранные им хронологические рамки исследования: от образования епархии до эпохи императора Павла I. Его царствование – не только «грань веков», XVIII-го и XIX-го, но и новая страница в истории Синодальной Церкви.

Автор начинает своё исследование с краткого рассмотрения состояния православия в досинодальные времена, тем самым говоря о «*предыстории*» Санкт-Петербургской епархии, тесно связанной с жизнью епархии Новгородской. Он разбирает и вопрос о Синодальной области, выделяя пять форм управления, пережитые столичной паствой до того,

когда, наконец, Санкт-Петербургская епархия была образована. Отдельно протоиерей А. Паничкин разбирает политическую обстановку, существовавшую вокруг проблемы её открытия, касаясь в том числе и причин, побудивших власть объединить должность С.-Петербургского архиерея с настоятельством Александро-Невским монастырём. Автор систематизировал значительный статистический материал, позволяющий представить, как формировались границы епархии, какие приходы и церкви входили в её состав, как и почему изменялся статус Санкт-Петербургского архиерея.

Однако наиболее интересной, по моему мнению, главой исследования является та, в которой скрупулёзно рассмотрен вопрос о центральном и периферийном управлении С.-Петербургской епархией. Начав с краткого описания характерных особенностей центрального епархиального управления Церкви XVIII века, автор впервые в церковно-исторической науке разбирает вопрос образования Домовой Архиерейской Канцелярии, её структуры и содержания; затем касаясь и вопроса о создании Духовной консистории, и управления на местах. Далее протоиерей А. Паничкин пишет о правящих архиереях, по сути давая краткие биографические справки, начиная от епископа Никодима (Сребницкого), и заканчивая митрополитом Амвросием (Подобедовым). Некоторые факты, касающиеся их жизни, он вводит в исторический оборот впервые. Однако, в целом, представленные материалы можно было бы поместить в приложении, не выделяя отдельно: они не слишком помогают раскрытию основной задачи, решаемой в диссертации протоиерея А. Паничкина.

Другое дело – глава, посвящённая положению, образованию, обеспечению епархиального духовенства: приходского, придворного, военного. Автор не забывает и о социально-психологических моментах, касаясь такой сложной проблемы, как анализ морального облика духовенства. Последовательно изучая историю столичной епархии, автор пишет также о состоянии приходов, изучает особенности приходской жизни, нравственность

прихожан и столичные святыни, принятие православия представителями инославия и иноверия. Приводится в диссертации и статистика, ранее исследователям неизвестная.

С цифрами в руках, автор говорит о развитии монастырской жизни в епархии, не только показывает, но и доказывает, как и почему и Пётр Великий, и Екатерина II смотрели на монастыри с чисто утилитарной точки зрения.

Чрезвычайно подробно рассматривается протоиереем А. Паничкиным вопрос, связанный с развитием духовного образования в столице. Опираясь, как на архивный, так и на опубликованный материал, внимательно прорабатывая исследования своих предшественников, автор рисует картину постепенного, но непрерывного укрепления «научной составляющей» духовного образования, говорит об образовании учёно-учебной корпорации. Настоящая глава – одна из самых информативных к анализируемому исследованию. Следующая глава посвящена столичному храмостроительству в XVIII веке. Думается, что правильнее было бы поместить её, несколько изменив структуру (может быть, в форме свода таблиц-?), в приложении к основному тексту. Совершенно оправданным выглядит и помещение в диссертации главы о проникновении в С.-Петербург старообрядчества и сект, и о борьбе с ними. Действительно, включение «старообрядческой составляющей» в работу о православной епархии позволяет, среди прочего, поставить вопрос и о принципах миссионерской деятельности в XVIII веке. Мне представляется, что работа много выиграла бы, если бы автор более глубоко изучил эту «старообрядческую составляющую». В любом случае, в перспективе следует обратиться к указанной теме и, быть может, посвятить её специальную работу.

Суммируя всё изученное, протоиерей А. Паничкин показывает, что, не смотря ни на что, государство не смогло полностью подчинить Церковь (хотя путь, приведший к организации «ведомства православного исповедания», был начат светской властью в XVIII веке). Столичную епархию открывали по указу «Её Императорского Величества», но утверждали высшей церковной властью. Автор правильно подмечает, что само открытие

Санкт-Петербургской епархии произошло в результате напряжённой борьбы части архиереев за восстановление Первоиерарха и возвращение к допетровским порядкам церковного управления. Любопытно и указание протоиерея А. Паничкина на то, что личное благочестие христианина в то время регламентировалось циркулярами и специальными законами, что служащие Духовной консистории не имели надлежащего богословского образования, что в церковно-административных учреждениях и церковных судах начинают превалировать чисто бюрократические методы работы, «заслонявшие» живого человека. Для всех, интересующихся социально-психологическими аспектами церковной истории, данные выводы чрезвычайно полезны.

Доказанным следует считать вывод об ослаблении церковной общины, в том числе и по причине устройства аристократами домовых храмов. Общество всё более «расслаивалось», и духовенство, в большинстве своем, не принадлежало к «привелигированным» условиям, часто материально нуждалось, не имело жилья и достаточного содержания на семью. Государство же, распоряжаясь церковным имуществом, жалело средств на церковные нужды. При этом, то же государство содействовало развитию духовного образования, именно в XVIII в. появились богословские школы с систематическим курсом.

Таким образом, следует признать, что автор прекрасно понимает всю сложность, даже парадоксальность сложившейся в Синодальный период ситуации: с одной стороны, Церковь оказалась в «тисках» государства, но, с другой, это государство (*de jure* православное) во многом содействовало организационному укреплению Церкви.

Отдельно стоит сказать, что протоиерей А. Паничкин обеспечил достоверность научных результатов привлечением широкого круга источников, в том числе и вводимых в оборот впервые. Он много и серьёзно работал в Российском государственном историческом архиве и в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Сравнительное изучение источников и литературы позволило автору представить объём-

ную картину становления Санкт-Петербургской епархии в контексте истории России XVIII века.

Касаясь формальных моментов, следует сказать, что диссертационное исследование протоиерея Александра Паничкина является самостоятельным, оригинальным исследованием, в котором содержится решение крупной научной проблемы, имеющей важное церковно-историческое значение. Она соответствует критериям, установленным Положением о порядке присуждения учёных степеней. Диссертант, на мой взгляд, заслуживает положительного рассмотрения вопроса о присуждении ему учёной степени доктора церковной истории.

Доктор исторических наук, профессор

С. Л. Фирсов

Исходный документ Фирсова С.Л.

*Исполнитель: А. Намоскина Т.С.
по указанию 03.05.2018*

*Документ подготовлен по инициативе
текст документа размещен в открытом доступе на
сайте СВЯТЫХ по адресу <http://svyaty.ru/science/sergey.firsov.html>.*